

Буря в пустыне

Евгений Кисин сыграл в столице

Серьезных концертов (выступление на Красной площади не считается) Евгений Кисин не давал в Москве уже несколько лет. И вот новая встреча с верной публикой. Одну программу, прошедшую в рамках «Декабрьских вечеров», пианист целиком посвятил Шопену (24 прелюдии, Баркарола, Вторая соната) и избранным посетителям Пушкинского музея. Другую сыграл в более демократичном месте — Большом зале консерватории. Там кроме Шопена (несколько ноктюрнов) был еще «Карнавал» Шумана и Третья соната Брамса. А кроме тех, кто выложил несколько тысяч за вход, — куча безбилетников, на которых закрывали глаза билетерши.

Екатерина БИРЮКОВА

В последний свой приезд знаменитый виртуоз и романтик Евгений Кисин потряс всех слишком большим процентом брака. Даже те, кто не считает нужным рассматривать игру пианиста в придирчивую лупу, не смогли пропустить мимо ушей слишком заметного количества фальшивых нот. Сейчас Кисин в гораздо лучшей форме. Головокружительные пассажи точны. Рука тверда. Все свои замыслы пианист выполняет четко. Музыкальный мир бывшего вундеркинда можно рассмотреть и

ВИКТОР АХЛОНОВ

Евгений Кисин: бывший вундеркинд, теперь просто — гений

прочувствовать без каких-либо ограничений.

Этот мир — дробный, нервный и всклокоченный. Он состоит из непрерывной и изматывающей смены микросостояний. Разгон от тишины к воплю — минимальный. Напоминает клиповый монтаж и фильмы ужасов. В каждую секунду пианист готов мгновенно среагировать на что-то, что бросится из-за угла. Только углы эти и этих чудищ

он придумывает себе сам. И поэтому, несмотря на кажущуюся раздробность на мелкие кусочки, его мир целен и даже герметичен.

В игре Кисина, которая сейчас гораздо суше и жестче по сравнению с его детскими записями, появилось много вольности. Это не значит — разнообразия. Он не выходит за пределы определенного круга образов, но внутри них ведет себя очень по-

хозяйски. Все быстрое он играет еще быстрее, все медленное — еще медленнее. Не он первый, не он последний. Впрочем, медленное слушается интереснее, чем быстрое, — и это редкость.

В игре Кисина нет того, что в романтическом искусстве называют «идеальной красотой» — спокойной и мечтательной. Но есть особое состояние — затишье перед бурей, нехорошее такое затишье. Иногда это может быть целое сочинение. Чаще — фрагмент, оазис, а точнее, мираж в пустыне. Один из самых показательных моментов — переход от тихой средней части к рыдающей репризе в до-минорном шопеновском ноктюрне. Потом, когда разражается буря и пианист безо всякого самообладания выжимает сдавленный звук из клавиш, это уже не так интересно. Но сам переход чрезвычайно выразительный.

Логично, что идеальный жанр для Кисина — цикл миниатюр. Шопеновские прелюдии или шумановский «Карнавал» — то, что нужно. При этом ни Шопена, ни Шумана там не ищите. Там есть только Кисин. Чувствуется, что он играет эту музыку уже двадцать лет подряд, что он с ней на «ты». Не искажая ни одной ноты, он не рассказывает, а пересказывает эту музыку собственными словами. Это ему легко: каждый изгиб музыкальной мысли он знает так же хорошо, как заключенный — каждый сантиметр своей камеры.